Вырезка из газеты КРАСНОЕ ЗНАМЯ

от 27 АПР 41

Харьков Газета №

Василий КАМЕНСКИЙ

Маяковский в Харькове

Утром 13 декабря 1913 года мы (Маяковский, Каменский, Бурлюк) приехали в Харьков.

Это был первый город после наших первых московских выступлений, когда мы получили приглашение приехать в Харьков, чтобы продемонстрировать свое футуристическое искусство в зале Общественной библиотеки 14 декабря.

Остановились в гостинице «Метрополь», где у входа нас ожидала большая толпа молодежи, которой было известно из газет о нашем приезде.

Встретили с бурным весельем, так как мы были одеты экстравагантно, ярко, необычайно.

Маяковский в шелковой оранжевой блузе (пальто широко распахнуто), мы — в костюмах с парчовыми обшивками.

А на моей груди летчика-поэта сверкал металлический аэроплан.

Программа вечера была такой — В. Маяковский должен был читать доклад по следующим тезисам:

«Квазимодо. Критика. Бульварность. Мы — в микроскопах науки. Город — дирижер. Грушировка художественных сект. Достижения футуризма сегодня. Русские футуристы: Вл. Маяковский, Василий Каменский, Д. Бурлюк, Игорь Северянин, В. Хлебников, Н. Бурлюк, Брученок. Различие в достижениях, позволяющее говорить о силе каждого. Идея футуризма как ценный вклад в идущую историю человечества».

Давид Бурлюк — речь о новейшей современной живописи.

Мой доклад назывался «Аэропланы и поэзия футуристов» — это о влиянии великих изобретений на современную поэзию.

После трех докладов мы обычно читали свои стихи.

Прочтя нашу программу, харьковская полиция отказалась дать разрешение.

Мно пришлось поехать к губернатору.

«Его превосходительство» потребовал, чтобы на афише было обязательно напечатано, что я — «пилот-авиатор императорского всероссийского аэроклуба».

— Это нужно для того, чтобы публика лучше соблюдала общественный порядок, — объяснял губернатор, недоверчиво поглядывая на афишу, — а то ведь никто не знает — кто вы такие. И почему, интересно знать, вокруг ваших имен создается, судя по газетам, атмосфера большого скандала?

Я отвечал дипломатически:

— Футуризм, как и всякое новое открытие, газеты обычно именуют «сенсацией» или «скандалом» — это известный коммерческий способ «создать бум», чтобы как можно больше продавалось газет.

— Пожалуй, это правда, — согласился губернатор и задумчиво написал: «разрешаю».

Маяковский и Бурлюк очень нервничали, ожидая моего возвращения от губернатора.

На радостях мы, окруженные бурным хором молодежи, из гостиницы направились на Сумскую улицу.

По пути зашли в типографию, сделали печатать афиши, программы.

Типографские рабочие сейчас же попросили нас прочитать стихи.

Мы, конечно, с большим удовольствием немедленно исполнили просьбу рабочих и всем желающим выдали билеты на свой вечер.

На Сумской улице было столь густо вокруг нас народу, что мы едва двигались, читая стихи, разговаривая с публикой.

Зашли в ресторан — там испугались:

— Кто это? Кто?

Маяковский громко заявил:

— Три Шалапина!

Ресторан моментально наполнился публикой.

Пошли домой.

Швейцар гостиницы был ошеломлен, когда увидел, что ведем за собой массу гостей и, едва пропустив нас троих, запер на ключ стеклянные двери.

А публика стучала, кричала:

— Пусти, батько, пусти! Побачим!

Многие пробрались через черный ход и переполнили наши комнаты, требуя стихов. И мы читали.

В день выступления в местной газете было напечатано.

«Вчера на Сумской улице творилось нечто сверхъестественное. Громадная толпа загрозила улицу. Что случилось? Пожар? Нет. Это среди гуляющей публики появились: Маяковский, Каменский, Бурлюк. Все трое в цилиндрах, из-под пальто видны желтые кофты, в петлицы воткнуты лучики ридикси. Их далеко заметно: они на голову выше толпы

и разгуливают важно, серьезно, несмотря на веселое настроение окружающих. Какая-то экспансивная девица поднесла футуристам букет красных роз и, видимо, хотела сказать речь, но, взглянув на полицейского надзирателя, ретировалась. Сегодня в зале «Общественной библиотеки» первое выступление. Билетов, говорят, уже нет, что и требовалось доказать. Харьковцы ждут очередного скандала».

Перед началом выступления у здания библиотеки собралась огромная толпа и требовала билетов.

Мы объявили, что вечер повторим. Маяковский кричал всем:

— Приходите каждый вечер. Мы не уедем, пока вас не накормим до сыта стихами и речами.

— Раз билетов нет, — гудела толпа, — кормите, Маяковский, сейчас, а то мы умрем с голоду.

И Маяковский прочитал на улице ряд стихов под всеобщий гул одобрения.

— А продолжение завтра, — заявил поэт.

В переполненном зале стояла жара нестерпимая.

Началось, как было в Москве, с того, что нам поставили на стол полсотни стаканов чаю и мы стали пить, мирно поглядывая на взбудораженную публику, ибо ожидали успокоения.

Нам кричали разное:

— А горилки не надо?

— Почему вы вроде индейцев?

— Эй, публика, не мешайте. Дайте гостям напиться чаю.

— Приятного аппетита, поэты!

— Bravo, москвичи. С приездом!

— Вот это батьки!

— Три вола.

— Маяковский, дай голос!

Маяковский, глотая чай, заявил:

— Все равно вам меня не пере-

орать, не старайтесь. Вы не Маяковский — у вас не выйдет.

— А из вас что выйдет?

Маяковский улыбался:

— Из меня может крейсер выйти.

Я встал и начал вечер:

— Друзья и враги! Я по профессии летчик и потому буду говорить о самых высоких вещах, вроде авиации и поэзии футуристов.

Дальше под аккомпанимент криков, свистков, смеха, приветствий, ругательств я говорил о запустении в искусстве, о застоявшемся гнилом болоте смердящей бульварщины, пошлости, глупости, серости, отсталости.

И призывал верить нам, «пророкам-вестникам будущего», Колумбам — поворотам, поэтам современности.

Вторым выступил Давид Бурлюк с речью о новой живописи, демонстрируя на экране диапозитивные снимки с лучших футуристических картин.

Каждая показанная картина вызывала у публики хохот, свистки, неистовые крики:

— Это не картины, а кошмар землетрясения.

— Живопись сумасшедших!

— Малеры из ада крошечного!

— Что означает черный зуб и над ним красный шар?

— Это, — объяснял Бурлюк, — портрет тенья Маяковского.

— Очень похож, — хохотала публика.

— Мы занимаемся искусством, — заявил Бурлюк, — а не базарной фотографией.

Бурлюку свистали.

Он нежно произнес:

— Не воображайте себя паровозами, а то ваши соседки подумают, что вы действительно дикари. Довольно пидать! Будем заниматься делом.

И наступило некоторое затишье перед бурей.

Бурю, разумеется, поднял следующий оратор — Маяковский, который до своего выступления сидел без цилиндра, а в момент начала своей речи надел его, лихо сдвинув на затылок.

Он сузил руки в карманы брюк и стал в позу вызова.

Часть публики возмутилась:

— Снимите цилиндр! Это неприлично! Снимите! Безобразия!

Другая часть публики аплодировала:

— Не снимайте! Приветствуем! Никого не слушайте! Bravo, Маяковский!

Некоторые свистали, топтали ногами:

— Долой! Долой!

— Да здравствует Маяковский!

— Это возмутительно!

— Ура Маяковскому!

Двадцатилетний поэт взял со стола стакан чай, пил из ложечки и, улыбаясь, наслаждался какофонией.

А в это время меня вызвал через администратора полицейский пристав и за кулисами заявил:

— Пусть этот в желтой кофте снимет шапку немедленно, а иначе я закрою ваше представление за скандальное поведение. Вот и все.

И ушел.

Под всеобщий шум я сообщил об этом Маяковскому, предложил для вида «стаканчик чайку».

Маяковский спокойно снял цилиндр и нежно сказал публике:

— Я только хотел испытать, насколько вы свободны от предрассудков.

Ему аплодировали, кричали:

— А вы свободны?

— Я настолько свободен, — улыбался поэт, — что решил приучать вас к призыванию Маяковского. Вам это

трудно, зато потом будет очень приятно и даже полезно.

И наступило относительное спокойствие.

Маяковский, как и в Москве, говорил на тему — «Что такое красота».

Он призывал аудиторию к научному мышлению. Доказывал, что все эстетические нормы резко меняются вместе с новым ощущением современности.

— Поймите, — убеждал Маяковский, — не может же Каменский воспевать бабочек и канареек, когда он летает на аэроплане. Не свирька изнывающая-сладкая пост в его ушах, а гремящая музыка мотора. Наши достижения футуризма, как совершенно новые ценности искусства, как новое понятие о вкусах, как новое выявление современного человека — этого пропеллера прогресса, — эти наши искания тем и значительны, что мы, лицо нашего времени, заново открываем, как Америку, новые вкусы и себя объявляем Колумбами. И нам наплевать на околтелое, не признающее нас мешающее вместе с его авторитетами. И особенно наплевать на тупорылых критиков — всех этих Аблонских и Измайловых.

Дальше Маяковский перешел к разбору разных поэтических школ русской литературы.

В заключение вечера мы читали стихи.

Маяковский блестяще прочитал свою новую трагедию в стихах «Владимир Маяковский».

Он буквально очаровал всех своим величественным, бархатным, могучим, музыкальным голосом.

Хотелось слушать его без конца.

Харьковская молодежь восторженно приветствовала и верила своему гениальному юному поэту.